
18+
МАКС ГИЛЛАН
КНИГА 1 • ПЕТЛЯ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ
АМНЕЗИС
СТОРОНА А:
ШУМ КОМЕТЫ
46 МИНУТ. ЧЕТЫРЕ ГОРОДА. 1986 ГОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО.

Макс Гиллан

Амнезис. Сторона А: Шум кометы. Книга 1. Петля восьмидесятых

https://litres.ru/74817554
ISBN 9785007157391

Аннотация

26 апреля 2026 года, 19:14. В Канаде, Германии, России и Австралии четыре незнакомца одновременно слышат голос с советской кассеты 1986 года. У них есть сорок шесть минут, чтобы вмешаться в прошлое. Но каждый шаг в 1986-м переписывает их 2026-й, а из 2034 года за ними уже идёт охота. Первая книга серии «Амнезис» — короткий ироничный хронотриллер о памяти, кассетах и времени, которого не было.

Содержание

Абоненты частоты 19:14 5
Часть I. Сторона А (46 минут до сдвига) 6
Глава 1. Оксид железа и мертвый брат 7
Глава 2. Диета Иммануила Канта и мумия со смартфоном 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Амнезис. Сторона А: Шум кометы Книга 1. Петля восьмидесятых

Макс Гиллан

Дизайнер обложки Обложка и иллюстрации созданы с использованием ИИ (Perplexity)

© Макс Гиллан, 2026
© Обложка и иллюстрации созданы с использованием ИИ (Perplexity), дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5739-1 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-5738-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Абоненты частоты 19:14

26 апреля 2026 года, 19:14 по местному времени:

— КАНАДА, ДОУСОН-СИТИ: Нейтан Коул — реставратор винтажных магнитофонов, получивший советскую кассету от пропавшего за Полярным кругом брата.

— РОССИЯ, ЕКАТЕРИНБУРГ: Кира Воронцова — аудио-археолог с нелегальным советским нейроимплантом за правым ухом.

— ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИН: Марта Линдквист — суд-медэксперт на пенсии, чей кот ушел сквозь кирпичную стену старого подвала.

— АВСТРАЛИЯ, КУБЕР-ПЕДИ: Лиам О'Коннор — радиоинженер дальней космической связи, живущий под землей в опаловой шахте.

(Подробное досье всех героев и напарников приведено в конце книги).

Часть I. Сторона А
(46 минут до сдвига)

Глава 1. Оксид железа и мертвый брат

Локация: Доусон-Сити, Юкон, Канада

Дата: 26 апреля 2026 года, 19:00

Анахроника 2034. Статья «Оксид железа (Fe_2O_3)»:

Магнитная лента — единственный изобретенный человеком носитель памяти, который стареет точно так же, как человеческий мозг. Цифровой файл умирает мгновенно: один поврежденный бит — и перед вами стерильная пустота. Но ржавая пыль гамма-оксида железа, наклеенная на лавсановую основу в 1986 году, умирает медленно и неохотно. Когда витки пленки лежат в темноте сорок лет, намагниченные домены одного слоя начинают тайно перешептываться с доменами соседнего. Звукорежиссеры называют это «копир-эффектом»: вы слышите призрачное эхо фразы за полсекунды до того, как человек на записи открыл рот. Древние греки считали подобное явление оракулом. Советские физики-акустики из закрытого института «Маяк-9» в 1986 году поняли, что если повысить плотность магнитного потока в момент пролета кометы Галлея, на пленке отпечатается эхо событий, которые произойдут только через сорок лет.

В Доусон-Сити зима не заканчивается никогда — в конце апреля она просто отходит за угол перекурить.

Нейтан Коул стоял у запотевшей витрины своей мастерской «Северный Винил», машинально потирая старый белый шрам от паяльника на левом большом пальце. При росте метр восемьдесят шесть в тесной каморке с низким потолком из потемневшей канадской ели ему вечно приходилось чуть сутулиться. Серые глаза за тонкими стальными очками следили за тем, как муниципальный беспилотный дрон доставки «Arctic-Prime» пытается приземлиться на обледенелый дощатый тротуар Третьей авеню.

Алгоритм дрона, обученный нейросетями на солнечных газонах Калифорнии, при виде юконского апреля впадал в тихую кремниевую панику. Он судорожно вращал шестью винтами, мигал синим диодом геолокации и наконец бесславно плюхнулся брюхом в серую ледяную кашу прямо перед крыльцом.

— Высокие технологии против вечной мерзлоты, — вполголоса заметил Нейтан, поправляя воротник темно-зеленого свитера грубой вязки. — Счет один — ноль в пользу грязи.

Колокольчик над дверью звякнул. В лавку, впуская клуб морозного пара и запах авиационного керосина, шагнул Сэм Таку. Сэму было сорок, ростом он уступал Нейтану сантиметров восемь, но в своей распахнутой кожаной куртке с облезлым меховым воротником казался шире дверного проема. Над его левым виском, ровно там, где после падения почтового «Бивер-Де Хэвилленд» три года назад хирурги вживили титановую пластину, в смоляных волосах белела

резкая седая прядь.

— Ты видел этого летающего идиота? — Сэм бросил на прилавок связку свежих газет из Уайтхорса и жестянку с настоящим молотым кофе. — Он сбросил посылку для тебя мне прямо под ноги и попытался улететь сквозь фонарный столб. Держи. Странная штука. Без штрих-кода. И это, между прочим, вторая странная посылка за день. В «Даунтауне» с утра переполох: им прислали палец.

Нейтан не удержался от улыбки. Доусон-Сити гордился самой нелепой традицией Юкона: в салуне «Сауэрдо» при отеле «Даунтаун» туристам наливали виски с настоящим мумифицированным человеческим пальцем в стакане. Клуб «Sourtoe» придумал в 1973 году речной капитан Дик Стивенсон, а его главное правило знал наизусть каждый местный школьник: пей быстро, пей медленно, но губы должны коснуться пальца. Самый первый палец, отмороженный контрабандистом еще во времена сухого закона, в 1980 году случайно проглотил подвыпивший старатель, и с тех пор бар жил на пожертвованиях. Пальцы завещали, привозили, иногда просто присылали по почте.

— Подумаешь, новость, — сказал Нейтан. — Им их регулярно присылают.

— Такого не присылали. — Сэм понизил голос, как будто их мог подслушать дрон в сугробе. — Бармен говорит, сверток пришел без обратного адреса, в желтой крафтовой бумаге, перевязанный бечевкой. А на сургуче оттиснуты песоч-

ные часы. Сегодня в девять, к «часу пальца», весь город туда набьется. Я бы на твоем месте сходил. Ну, если доживешь до девяти, конечно, — хмыкнул он, кивнув на сверток.

Нейтан взял пакет в руки.

Пакет был склеен из грубой, пожелтевшей от десятилетий крафтовой бумаги, пахнущей старым складом, махоркой и сургучом. Никаких голограмм Amazon, никаких радиочастотных меток 2026 года. В правом верхнем углу виднелась погашенная почтовая марка СССР за 1986 год: фиолетовый силуэт межпланетной станции «Вега» на фоне хвостатой кометы Галлея. Чуть ниже расплылся треугольный штамп военного цензора и фиолетовый оттиск: *«СВЕРДЛОВСК — МЕЖДУНАРОДНОЕ. 26.04.1986»*.

В строке получателя твердым, чертежным почерком — тем самым, которым в старых советских КБ подписывали ватманы, — было выведено по-английски:

Канада, территория Юкон, Доусон-Сити, Третья авеню, 14. Нейтану Коулу. Вручить лично после 19:00.

— Розыгрыш? — Сэм прищурил темные глаза и потер пальцем седую прядь на виске. — В восемьдесят шестом году тебя еще на свете не было, Нейт, ты же восемьдесят девятого года рождения. Только твой старший брат Маркус тогда под стол пешком ходил.

При упоминании Маркуса в груди у Нейтана привычно сжалась холодная пружина. Старший брат пропал восемь лет назад во время геологической партии у Полярного круга, а

нашли его через месяц — замерзшим в заброшенной радиорубке времен Холодной войны, с пустым кассетным плеером в окоченевшей руке.

Нейтан подцепил ногтем сургучную печать. Бумага с сухим треском разошлась.

Внутри, завернутая в лист советской синей миллиметровки, лежала студийная спецкассета «МК-90/46» Куйбышевского завода — утолщенная магнитная лента повышенной коэрцитивности на сорок шесть минут звучания каждой стороны. Черный шероховатый корпус на пяти крошечных винтах, розовая бумажная наклейка, где поверх заводского шрифта шариковой ручкой было написано по-русски: **«КОМЕТА-86. СТОРОНА А (46 МИН). НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ»**.

На самой миллиметровке, прямо поверх графика затухающей синусоиды, кто-то нацарапал карандашом по-английски:

«Нейтан, не слушай это через цифру. Только прямой магнитный тракт. И ради бога, не открывай дверь в 19:14».

— Забавно, — Сэм нахмурился и вдруг поморщился, прижав ладонь к титановой пластине на виске. — Черт. У меня снова пластина гудит. Как перед грозой, только внутри черепа. Слушай, Нейт… а у тебя ведь всегда был этот шрам на левом большом пальце?

Нейтан удивленно посмотрел на свою руку.

— С двенадцати лет. Когда паял свой первый ламповый

приемник. Мы с тобой двадцать лет знакомы, Сэм.

— Знаю, — пилот растерянно покачал головой. — Просто на секунду мне показалось, что шрам был у тебя на правой щеке, а лавку твою сожгли еще в двадцать втором году. Ладно, пойду я в бар к Питту, пока меня окончательно не накрыло полярной мигренью. Завтра в восемь вылет на Олд-Кроу. Не сиди до утра со своим хламом.

Дверь за Сэмом захлопнулась. Нейтан остался один.

Он подошел к рабочему верстаку, где под зеленым абажуром стояла его гордость — трехголовочная японская кассетная дека «Nakamichi Dragon» 1984 года, подключенная к паре массивных мониторных колонок с бумажными диффузорами. Никаких микропроцессоров, никаких облачных серверов — чистая физика меди, пермаллоя и магнитного зазора толщиной в микрон.

Нейтан нажал клавишу OPEN, вставил советскую «МК-90/46» Стороной А вверх и утопил тяжелую механическую кнопку PLAY.

Резиновый прижимной ролик коснулся тонкой коричневой ленты. Стрелки люминесцентных индикаторов уровня дернулись вправо.

Первые четыре секунды из динамиков шел только плотный, бархатистый аналоговый шум — дыхание сорокалетнего магнитного слоя. А на пятой секунде по комнате ударил бас.

Это был сырой, гулкий, гипнотический пост-панк 1986

года. Расстроенная бас-гитара вела тревожную пульсирующую линию в ритме человеческого сердца на пределе бега; поверх нее вступил холодный, лязгающий ритм драм-машины «Лель» и режущий, потусторонний вой аналогового синтезатора «Поливокс». В этой музыке не было ни грамма современной прилизанной компрессии — она пахла сырым бетоном свердловских подвалов, озоном и обреченным вызовом времени.

Но стоило синтезатору взять верхнюю ноту на частоте около четырнадцати килогерц, как в лавке началось безумие.

Умная колонка «Echo-Omni» на полке у кассы вдруг издала захлебывающийся писк, ее круговой индикатор вспыхнул багровым, и из пластикового корпуса повалил едкий сизый дымок расплавленных конденсаторов. В кармане свитера Нейтана коротко взвыл и мгновенно вырубился смартфон. За окном, вдоль всей заснеженной Третьей авеню, как костяшки домино, один за другим погасли муниципальные светодиодные фонари.

Цифровой мир 2026 года просто ослеп и оглох в радиусе ста метров от вращающейся советской кассеты.

Продолжала гореть только старая вольфрамовая лампочка под потолком мастерской да зеленая подсветка шкалы «Nakamichi».

И тут сквозь лязг драм-машины и гитарный флангер на записи прорезался голос. Девушка говорила по-русски — быстро, задыхаясь, словно за ней гнались по гулкой камен-

ной лестнице. Нейтан не знал русского, но за полсекунды до того, как сгорели чипы его умных очков, буфер синхронного перевода успел выбросить на правую линзу застывший янтарный текст:

[АВТОПЕРЕВОД / ЧАСТОТА 1986-А]:

«…Коул! Если кассета дошла до Доусон-Сити — не выключай деку! В правом канале под басовой партией зашит дельта-ключ на магнитной подложке. Передай его код в Берлин Марте Линдквист. И смотри на часы. В 19:14 к тебе постучит человек в синей парке. Не открывай! Это не твой брат Маркус. Маркус пропал на Полярном круге, а его сознание заперто в восемьдесят шестом!»

Нейтан отшатнулся от верстака, сбивая локтем коробку с радиолампами. Стеклянные колбы с тихим звоном покатились по доскам пола.

Он поднял взгляд на старые лабораторные часы над верстаком. Секундная стрелка с сухим щелчком перепрыгнула на отметку **19:14**.

Снаружи, по обледенелым ступеням крыльца, тяжело скрипнули шаги. В квадратном стекле входной двери возник мужской силуэт в капюшоне ярко-синей арктической парки. Человек снаружи поднял голову, и в желтом свете витрины Нейтан увидел до боли знакомое лицо своего старшего брата Маркуса — только на десять лет старше, чем в день, когда его нашли мертвым, и с длинным багровым шрамом через правую щеку.

6L6
ECC83

Доусон-Сити, 26 апреля 2026 года, 19:14. «Не открывай дверь».

Рука в кожаной перчатке легла на латунную ручку двери и резко дернула ее на себя.

Глава 2. Диета Иммануила Канта и мумия со смартфоном

Локация: Берлин, район Пренцлауэр-Берг, Германия

Дата: 26 апреля 2026 года, 19:15 (по местному циклу синхронизации)

Анахроника 2034. Статья «Судебная тафономия и кошачье любопытство»:

Криминалистам известно, что в сухом, лишенном сквозняков известковом подвале при постоянной температуре +11° С человеческое тело не разлагается, а переходит в состояние естественной пергаментной мумификации за восемнадцать месяцев. Домашним котам на законы тафономии глубоко плевать. Согласно статистике берлинской полиции за последние сорок лет, 14% всех нераскрытых тайников времен Холодной войны были обнаружены не агентами контрразведки с георадарами, а домашними животными, пытавшимися спрятать краденую колбасу от своих хозяев.

Если бы мне в двадцать пять лет, когда я только пришла стажером в криминальную полицию Берлина, кто-нибудь сказал, что на пенсии моим главным мужчиной и абьюзером станет рыжий кастрат весом восемь килограммов четыреста граммов по кличке Иммануил Кант, я бы застрелилась из табельного «Вальтера». Ну, или хотя бы завела ры-

бок. Рыбки молчат и не воруют баварский сервелат прямо с бутерброда.

— Кант, вылезай немедленно! — скомандовала я, стоя в весьма неэлегантной позе посреди сырого подвала нашего дома на Кольвицштрассе. — Во-первых, у тебя диета по предписанию доктора Брауна. Во-вторых, я вчера покрасила волосы в «медный тициан» не для того, чтобы собирать ими вековую паутину!

Из узкой щели между чугунным дореволюционным котлом и кирпичной кладкой на меня уставились два наглых желтых фонаря. Кант — обладатель рваного левого уха, белого ромба на груди и философского презрения ко всему человечеству — демонстративно дожевал кусок сервелата, облизнулся и вдруг шагнул… прямо сквозь кирпичную стену.

То есть в буквальном смысле: был кот — и нет кота. Только рыжий кончик хвоста мелькнул в черноте между двумя рядами кладки 1904 года.

Я сняла очки на черепаховой цепочке, протерла стекла краем твидового жакета и нацепила их обратно на нос. При моем росте метр шестьдесят четыре и тридцатилетнем стаже в отделе особо тяжких преступлений я привыкла доверять только фактам. А факты говорили о том, что коты весом с приличного поросенка сквозь несущие стены не проходят. Даже в Восточном Берлине.

Я посветила карманным фонариком в щель за котлом и принюхалась.

Оттуда тянуло сухим известковым холодом, прелой бумагой и совершенно невозможным в 2026 году запахом — дешевым гэдээровским табаком «Кабинет» и советским одеколоном «Шипр». Точно так пахло от майора Штази Фогеля, который в 1986 году жил на третьем этаже этого самого дома и каждую субботу строчил доносы на то, что из нашего приемника слишком громко поет Дэвид Боуи.

— Ах ты ж старый крот, — прошептала я с охотничьим азартом, от которого у моего друга, инспектора Отто Штольца, обычно начинается нервная икота и подскакивает давление.

Я взяла с верстака тяжелую монтировку покойного мужа, просунула плоский конец в шов между кирпичами и нажала со всей страстью женщины, которой скучно на пенсии.

Раздался сухой щелчок ржавого пружинного замка. Целая секция «кирпичной стены» — оказавшаяся искусно отлитой из гипса и посаженной на стальную раму фальшпанелью — со скрипом отворилась внутрь, обдав меня тучей сорокалетней пыли.

Из темноты раздалось довольное «Мяу!».

Я достала из замшевой сумочки пару синих нитриловых перчаток (порядочная дама после шестидесяти никогда не выходит из дома без перчаток для осмотра места преступления и пакетика кошачьих сухариков), натянула их с характерным щелчком и шагнула за стену.

Передо мной была классическая секретная «кукушка» —

акустический пост прослушки Министерства госбезопасности ГДР площадью два на три метра, не значившийся ни на одном поэтажном плане. На металлическом столе стоял советский катушечный магнитофон «Ростов-105», коммутационная панель с обрезанными телефонными проводами и фарфоровая кружка с надписью «XXVII съезд КПСС».

А в углу на венском стуле, аккуратно положив ногу на ногу, сидел гражданин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.